

Л.А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Селькупская глагольная граммема
«косвенной зрительной засвидетельствованности»:
исключение или типологическая закономерность?**

Аннотация: В статье исследуется семантическая структура селькупской глагольной граммеы с базовым значением «косвенное зрительное восприятие ситуации» и аргументируется ее типологическая закономерность для языков, имеющих систему чувственных эвиденциальных грамем: зрительных и не зрительных.

The paper studies the semantic structure of the Selkup verb grammeme with the basic meaning of indirect visual evidentiality and gives evidence of its typological regularity in the languages possessing the system of sensory evidential grammemes: visual and non-visual ones.

Ключевые слова: селькупский язык, чувственная эвиденциальность, оппозиция визуальных и не визуальных грамем, межъязыковые параллели, диахроническая типология.

Selkup language, sensory evidentials, opposition of visual and non-visual grammemes, cross-language similarities, diachronic typology.

УДК: 81.22

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН. Тел. (383) 3302737. E-mail: sektor-tungusov@mail.ru.

С позиции современных представлений о типологии глагольной категории засвидетельствованности (эвиденциальности) термин «косвенная зрительная засвидетельствованность», вынесенный в заголовок данной статьи, выглядит необычно и может быть воспринят специалистами как не вполне корректный. И в отечественных, и в зарубежных работах, посвященных категории эвиденциальности, абсолютно доминирует представление, что зрительное восприятие говорящим сообщаемого факта всегда означает его прямую, а не косвенную засвидетельствованность [см.: Willett, 1988; Козинцева, 1994; Aikhenvald, 2004].

Данная точка зрения опирается на фактологический материал многих языков мира, имеющих грамматикализованную категорию эвиденциальности с центральной категориальной оппозицией грамем прямой / косвенной засвидетельствованности. Н.А. Козинцева справедливо отмечала, что «во многих языках прямая засвидетельствованность конкретизируется только как зрительное восприятие, связанное с личным присутствием хозяина информации (говорящего) при описываемом факте» [Козинцева, 2007, с. 16]. Показательны выводы В.С. Храковского, емко суммирующие результаты зарубежных и отечественных исследователей категории эвиденциальности в разноструктурных языках: «Семантическая категория эвиденциальности или, может быть, точнее, семантический признак эвиденциальности принимает два значения: 1. семантически немаркированная прямая эвиденциальность (говорящий получает / воспринимает сообщаемую информацию непосредственно – экспериментив); 2. семантически маркированная косвенная эвиденциальность (говорящий получает сообщаемую информацию опосредован-

ным образом, преимущественно через промежуточную инстанцию). Граница между прямой и косвенной эвиденциальностью, а также значения, которые принимает прямая и косвенная эвиденциальность не совпадают в различных языках. Однако всегда к прямой эвиденциальности относится информация, получаемая с помощью зрения» [Храковский, 2007, с. 604].

В данной связи отметим, что на современном этапе исследования глагольной категории засвидетельствованности (далее – ГКЗ) еще недостаточно глубоко изучены, особенно в диахронно-типологическом аспекте, подсистемы (субкатегории) эвиденциальных граммем, указывающих на чувственные (сенсорные, перцептивные) источники информации: зрительные и не зрительные (слух, осязание, обоняние, внутренние ощущения). Такие подсистемы взаимно противопоставленных чувственных эвиденциальных граммем существуют лишь в относительно небольшой части современных языков, имеющих ГКЗ. Главным образом это ряд индейских языков Северной и Южной Америки.

Среди многочисленных языков Евразии, имеющих ГКЗ, оппозиция граммем зрительной / не зрительной чувственной засвидетельствованности пока обнаружена только в четырех самодийских языках (ненецком, энецком, нганасанском, селькупском) и в языке юкагирских (колымских) фольклорных текстов, записанных В.И. Иохельсоном в конце XIX в. Недавно проведенное сопоставительное исследование ГКЗ самодийских и юкагирских языков в частности показало, что их общей типологической чертой еще в относительно недавней диахронической ретроспективе, отраженной архаичными текстами традиционного фольклора, было наличие субкатегории чувственной засвидетельствованности, в рамках которой противопоставлялись две граммеы: граммема с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации» и граммема «аудитива» с базовым значением «слуховое восприятие невидимой ситуации» [см.: Ильина, 2010; 2011].

Эти результаты казалось бы согласуются с индуктивным обобщением А.Ю. Айхенвальд, сделанным с учетом сведений о граммемах и оппозициях чувственной засвидетельствованности в языках американских индейцев: «no language has two visual or two non-visual evidentials» [Aikhenvald, 2004, с. 177]. Однако выделение в самодийских и юкагирских языках визуалиса с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации» дает основание предполагать возможность существования второго визуалиса с базовым значением «неотчетливое зрительное восприятие ситуации», например, издалека, смутно и т.п. В случае осуществления в каком-либо языке данной возможности типологически правомерным представляется выделение варианта оппозиции прямой / косвенной эвиденциальности, реализующегося в семантической зоне зрительного восприятия ситуации и, соответственно – выделение чувственной эвиденциальной граммеы косвенной зрительной засвидетельствованности.

Мы полагаем, что оппозиция граммем прямого / косвенного визуалиса могла существовать в диахронии всех самодийских и юкагирских языков. Но необходимая фактологическая база для положительной верификации этой гипотезы подготовлена сейчас только на материале диалектов селькупского языка.

Важно учитывать, что северные и южные диалекты селькупского языка в XVII – XX вв. развивались в существенно различных экстралингвистических условиях, что отразилось на особенностях эволюции традиционной системы глагольных категорий в этих диалектах, в том числе – на особенностях эволюции ГКЗ. Главное, что южные диалекты (в первую очередь обские говоры), в отличие от северных диалектов, долговременно развивались в условиях массового селькупско-русского двуязычия при коммуникативном доминировании русского языка. Это сопровождалось постепенным процессом смены языка у новых поколений южных селькупов и нарастающим системным интерферирующим влиянием русского языка, в котором нет ГКЗ и вообще грамматикализованной эвиденциальности.

Анализ грамматических различий глагола северных и южных диалектов селькупского языка на нескольких хронологических срезах показал, что традиционная, наиболее архаичная, система глагольных категорий и граммем представлена в языковом материале фольклорных текстов северного среднетазовского диалекта, записанных Г.Н. Прокофьевым в 1920-е гг., и в существенной мере сохранена в фольклорном материале того же диалекта, записанном исследователями в 1970-е гг., особенно от информантов старшего поколения. Грамматическая система глагола южных диалектов, даже представленная в хронологически раннем языковом материале XIX в., документированном М.А. Кастреном и Н.П. Григоровским, – более инновационна, а представленная в языковом материале второй половины XX в. существенно изменена интерферирующим влиянием русского языка, особенно – в обских говорах.

Вследствие неравномерной эволюции глагольной системы селькупских диалектов традиционная ГКЗ, сохранившая субкатегорию чувственной засвидетельствованности с оппозицией граммем, указывающих на зрительное / не зрительное чувственное восприятие ситуации, фактологически прослеживается только на северноселькупском языковом материале фольклорных текстов среднетазовского диалекта, документированного и информативно описанного на двух хронологических срезах: 1920-х гг. и 1970-х гг. [см.: Прокофьев, 1935; 1937; Кузнецова, Хелимский, Грушкина, 1980].

Сопоставительный анализ материалов и описаний этих срезов среднетазовского диалекта дает фактологические основания для выделения в традиционной категориальной парадигме ГКЗ селькупского языка детализированной субкатегории чувственной засвидетельствованности, включавшей по меньшей мере три сенсорных эвиденциальных граммем. Это аудитив и два визуалиса: прямой и косвенный. Функционируя в базовых значениях, они грамматически дифференцировали и противопоставляли три типа чувственно воспринятых реальных (референтных) ситуаций: 1) ситуации невидимые, воспринятые только на слух и идентифицированные на основании их акустических признаков (аудитив); 2) ситуации отчетливо видимые, к которым приравнены собственные действия говорящего, полностью им контролируемые (прямой визуалис); 3) ситуации неотчетливо видимые (издалека, смутно, мельком и т.п.), к которым приравнены собственные действия говорящего, не полностью им контролируемые (косвенный визуалис).

Носителями этих трех чувственных эвиденциальных граммем в среднетазовском диалекте были три формы финитного глагола с разными суффиксальными показателями, которые помещались в глагольной словоформе непосредственно перед лично-числовыми формантами и не сочетались друг с другом.

Форма аудитива с показателем **=kun(V)=** выделена и описана еще Г.Н. Прокофьевым как особое наклонение, которое «выражает действия, устанавливаемые на основании их слышимости» [Прокофьев, 1935, с. 69]. Это грамматическое значение аудитива Г.Н. Прокофьев переводил на русский язык приблизительным лексическим эквивалентом «**слыхать**».

Форма прямого визуалиса с показателем **=ŋ=** (варианты: **=n=**, **=j=**, **=ø=**) традиционно трактуется как основная форма времени индикатива, обозначаясь терминами «аорист» и «настоящее время». Однако ее оппозиции с формами аудитива и косвенного визуалиса, прослеженные на языковом материале, а также метаязыковые комментарии двуязычных информантов указывают на ее базовую семантику отчетливой зрительной засвидетельствованности.

Форма косвенного визуалиса с показателем **=(n)t(V)=** традиционно трактуется как форма времени («аорист», «настоящее время») косвенного наклонения («нарратив», «латентив», «неочевидное наклонение»), непосредственно противопоставленного индикативу. Отмеченное исследователями у формы **=(n)t(V)=** значение «неочевидности действия» – это в современной терминологии значение

косвенной засвидетельствованности ситуации. Но поскольку форма $=(\mathbf{n})\mathbf{t}(\mathbf{V})=$, как правило, употреблялась в контекстах зрительного восприятия наличных ситуаций, ее базовое значение мы определяем как косвенную зрительную засвидетельствованность. В данной связи отметим, что Г.Н. Прокофьев типично использовал при переводе на русский язык грамматического значения формы $=(\mathbf{n})\mathbf{t}(\mathbf{V})=$ приблизительный лексический эквивалент «**видать**».

Принадлежность этих трех глагольных форм к субкатегории чувственной засвидетельствованности и грамматическое выделение ими ситуаций, воспринятых на слух (аудитив) и воспринятых зрительно (прямой и косвенный визуалис), фактологически аргументируется примерами их традиционного употребления в архаичных эвиденциальных полипредикативных конструкциях (ППК) с семантикой чувственного восприятия. Существенная особенность таких ППК – двойное указание на один и тот же чувственный источник информации (слух или зрение): 1) лексическим значением сказуемого модусной части ППК и 2) грамматическим значением сказуемого диктумной части ППК. Если роль сказуемого модусной части выполнял глагол слухового восприятия, то в роли сказуемого диктумной части использовалась форма аудитива с показателем $=\mathbf{kun}(\mathbf{V})=$. Если же роль сказуемого модусной части выполнял глагол зрительного восприятия, то в роли сказуемого диктумной части использовалась либо форма прямого визуалиса с показателем $=\mathbf{\eta}=$ (с вариантами), либо форма косвенного визуалиса с показателем $=(\mathbf{n})\mathbf{t}(\mathbf{V})=$.

Примеры приведены с сохранением транскрипции первоисточников и с русским переводом, уточненным автором статьи. При передаче в переводе грамматических значений показателей селькупских эвиденциальных форм использованы приблизительные лексические переводные эквиваленты: для показателя аудитива $=\mathbf{kun}(\mathbf{V})=$ – «**слышно**»; для показателя прямого визуалиса $=\mathbf{\eta}=$ (с вариантами $=\mathbf{n}=$, $=\mathbf{j}=$, $=\mathbf{\emptyset}=$) – «**явно**»; для показателя косвенного визуалиса $=(\mathbf{n})\mathbf{t}(\mathbf{V})=$ – «**видно**».

Примеры эвиденциальных ППК с семантикой слухового восприятия ситуации и формой аудитива (показатель $=\mathbf{kun}(\mathbf{V})=$) в роли сказуемого диктумной части

(1) (JomBa) ukkyr çonnDõqyt niłçik ynDьññitъ: qur tap paçitъ= $\mathbf{kun}\mathbf{\eta}$ [Прокофьев, 1935, 104].

(Йомпа – герой мифов) В один момент (букв. одного в промежутке) так **слышит**: человек это **рубит=слышно** (SUBJ/3Sg).

(2) (Ica) Ukkyr contõt üñkyltympaty: lōs-ira tū= $\mathbf{kyn}\mathbf{\eta}$ sumpäptympylä [ОчСЯ, 1993, 19; 58].

(Ича – герой мифов) В один момент **слушает**: черт-старик **пришел=слышно** (SUBJ/3Sg) напевая.

(3) Ukkyr contõqyt pit contyl' kotäqyt aj nił'cyk üntyntyty: aj kos qaj na tū= $\mathbf{kun}\mathbf{\eta}$ [ОчСЯ, 1993, 38; 83].

В один момент в полночь опять так **слышит**: опять кто-то вот **пришел=слышно** (SUBJ/3Sg).

(4) Нын ш'иттал на ија **tülчи=kynä** – иматä **üñkylтимпаты** [МЭ].

Потом вторично этот парень **приехал=слышно** – его жена **слушает**.

(5) капија Ш'ил'ша Пал'ша ондъ **üñыл'димпаты** на таннын та коннә **курыл'л'е тап tū=kynä** **курыл'л'е тап tū=kynä** [МЭ].

Однако Сылча Пылча сам **слушает**: вон тот на берег шагая вот **пришел=слышно** (SUBJ/3Sg), шагая вот **пришел=слышно** (SUBJ/3Sg).

Примеры эвиденциальных ППК с семантикой зрительного восприятия ситуации и формой прямого визуалиса (показатель $=\mathbf{\eta}=$ с вариантами) в роли сказуемого диктумной части

(6) Ньль innæ **manda** lōZь-ira: innæn aj qail̥ nəkьgьl̥ wənDьl̥ surьlḁ ǎmD=Ø=a [Прокофьев, 1935, 106].

Потом вверх **взглянул** черт-старик (увидел отчетливо):верху опять какой-то пестророжий зверек (=птичка) **сидит-явно** (SUBJ/3Sg).

(7) Nätäk innä weša, cap **qoŋyty**: ükylsaty ukot kuttar sy, nilcyn̥ =ŋ=a [Кузнецова и др., 1993, 15].

Девушка встала, сразу **увидела**: уши-ее раньше как были, так **есть=явно** (SUBJ/3Sg).

Примеры эвиденциальных ППК с семантикой зрительного восприятия ситуации и формой **=(n)t(V)=** в роли сказуемого диктумной части

(8) (Jca) **Mannympaty**: ńaryt qoltōqyt tāt **kuralymmy=ntōtyt** [ОчСЯ, 1993, 13; 52].

(Ича – герой мифов) **Смотрит (видит)**: на полосе тундры олени **ходят=видно** (SUBJ/3Pl).

(9) То rūja. Cap **mannympaty**: m t **mny=nty** [ОчСЯ, 1993, 14; 52].

Туда переправился. Сразу **видит**: чум **стоит=видно** (букв. **сидит=видно**) (SUBJ/3Sg).

(10) Tülca m tty, **mannympaty**: qaql̥ **tōtyt=nty**. Ukkyr pōl' qōryl' qaql̥ **tōtyt=nty**, ukkyr imal' qaql̥ **tōtyt=nty** [ОчСЯ, 1993, 14; 52].

Подъехал к чуму, **видит**: нарта **стоит=видно** (SUBJ/3Sg).

Одна грузовая нарта **стоит=видно** (SUBJ/3Sg), одна женская нарта **стоит=видно**. (SUBJ/3Sg).

Отметим, что диктумные части всех ППК, представленных в примерах (1) – (10), репрезентируют наличные референтные ситуации, обнаруженные и идентифицированные свидетелем в момент их чувственного восприятия: слухового (1) – (5), либо зрительного (6) – (10). Следовательно, таксисно-темпоральная семантика трех сопоставляемых глагольных форм диктумных предикатов идентична. В рамках единого таксисно-темпорального плана эти три глагольные формы семантически дифференцированы и противопоставлены в первую очередь по указываемым чувственным источникам информации: слуховому (форма **=kun(V)=**) и зрительному (формы **=ŋ=** и **=(n)t(V)=**). Но сущность семантического различия и оппозиции двух последних форм, указывающих на один и тот же чувственный источник информации – зрительный – приведенными примерами эвиденциальных ППК доказательно не раскрывается.

Без анализа более широкого контекста не ясно, почему в (8) – (10) употреблена форма косвенного визуалиса с показателем **=(n)t(V)=**. Можно предположить, что она в этих примерах указывает только на новизну и неожиданность увиденного, т.е. выражает разновидность миративного значения, частично выходящего за пределы семантической зоны эвиденциальности. Но в семантической структуре формы **=(n)t(V)=** миративное значение является поздним, инновационным, а примеры (8) – (10) – это фрагмент древнего мифа. Из его содержания следует, что главный герой селькупского фольклора – Ича, отправившись на охоту, случайно провалился в «нижний мир» духов-лозов. В мифологическом мировоззрении селькупов, ненцев, юкагиров «нижний мир» ассоциировался с темнотой, сумраком, считался «миром теней», который могли смутно видеть только шаманы и другие «посвященные». Поэтому зрительные впечатления Ичи, отраженные в (8) – (10), должны были быть неотчетливыми, смутными, на что, вероятно, в первую очередь и указывала форма косвенного визуалиса диктумных предика-

тов. Ее дополнительным созначением в (8) – (10) могло быть указание на то, что смутные зрительные впечатления Ичи являются кажущимися, обманчивыми, поскольку он первоначально принял «нижний мир» духов за мир людей.

Существование в традиционной духовной культуре самодийцев и юкагиров противопоставления обычного (профанного) мира, доступного зрительному восприятию простых людей («непосвящённых») и сакрального «нижнего мира», доступного смутному видению только «посвящённых», мы рассматриваем как один из важных экстралингвистических факторов конституирования в языках, обслуживавших эти традиционные культуры, грамматической оппозиции прямой / косвенной зрительной засвидетельствованности. Это дает основание предполагать, что типологические аналоги селькупской глагольной граммемы косвенного визуалиса были и в диахронии других языков, особенно северносамодийских и юкагирских.

Еще одним из диахронически исходных оснований оппозиции двух форм визуалиса в селькупском языке является основание дейктическое – указание на разную степень отдаленности зрительно воспринимаемой ситуации от наблюдателя. Такое употребление этих форм встречается в архаичных текстах традиционного фольклора.

(11) Контекст. Мифологический герой Ича расставил на тропе приманку (куски мяса) для своего врага – злого духа (lozъ-ira – букв. «черт-старик»), а сам влез на лиственницу, ждет появления врага и наблюдает за его действиями.

Ukkъг̃ çonDōq̃t̃ lōZъ-ira **konD̃ʂei=nDъ** na. pōs ukōl̃ weçil̃ munnonDъ na tulъçi, mişallae **poll̃ei=nDъ=tъ** ... aj **poll̃ei=ŋъ=tъ** [Прокофьев, 1935, 102].

В один момент (букв. одного в середине) черт-старик **появился=видно** (SUBJ/3sg) вон. К первому мясному куску вон подошел, схватив, **проглотил=видно** (OBJ/Sg). (К очередному куску мяса, близко к наблюдателю, подошел) опять **проглотил=явно** (OBJ/Sg).

Разное оформление глагола **poll̃ei-** «проглотить (интенсивно)» обозначает, что действие вначале осуществлено в отдалении от наблюдателя (суфф. **=(n)t(V)=**, а затем – близко к наблюдателю (суфф. **=ŋ=**).

Скорее всего, указание на зрительно воспринятые ситуации, отдаленные от наблюдателя, было диахронически первичным эвиденциальным значением формы **=(n)t(V)=**, сопряженным со сложной дейктической системой, существовавшей в диахронии селькупского языка. В ней, в частности, просматриваются два симметричных ряда указательных местоимений: **n** – ряд и **t** – ряд, каждый из которых дифференцировал объекты по степени отдаленности. Вероятно, местоимения **n** – ряда указывали только на видимые объекты, а местоимения **t** – ряда были семантически не маркированы по признаку видимости / не видимости объектов. Типично употребляющаяся с формой **=(n)t(V)=** привербальная указательная частица **na** «вот, вон» (11), (12), (18) материально тождественна анафорическому местоимению **na** «этот, тот» (известный, ранее названный) и, вероятно, вместе с ним восходит к указательному местоимению **n** – ряда * **na** «этот, тот» (видимый, отдаленный).

Однако на документированных срезах селькупского языка диахронически первичное значение формы **=(n)t(V)=**, указывающее на зрительное восприятие отдаленной ситуации, предстает только как один из вариантов ее более универсального значения, указывающего на неотчетливое зрительное восприятие ситуации. Последнее всегда в той или иной мере включает инференциальный семантический компонент – умозаключение о ситуации на основании ее неотчетливого зрительного восприятия. Нарастающее в диахронической перспективе контекстуальное доминирование инференциального созначения обусловило функционально-семантическую эволюцию формы **=(n)t(V)=** в направлении модализации. В конечном счете это выразилось в становлении у формы **=(n)t(V)=** в селькупских

диалектах базовых значений предположительности и миративности. Наиболее существенным этапом этого эволюционного процесса стала, на наш взгляд, транспозиция формы **=(n)t(V)=** в семантическую зону слухового восприятия невидимых ситуаций, вытеснение ею из употребления формы аудитива, следовательно, нейтрализация древнейшей сенсорной эвиденциальной оппозиции видимого / невидимого и модализация семантической зоны чувственного восприятия. Примеры (12) – (16) иллюстрируют употребление формы **=(n)t(V)=** вместо формы аудитива в типичных аудитивных контекстах, в предположительном и / или миративном значении.

(12) Nyny ukkyr contōqyt **ūṅkyltym p tyt**: m typ p ronty merky na **tū=nty**.

Потом вдруг **услышали**: на крышу ветер **пришел** [ОчСЯ, 1993, 9; 46].

(13) Ūtynuk **ūṅkyltym patty**: picyt sümy **ünny=nty**.

К вечеру **услышала**: звук топора **слышится**. [ОчСЯ, 1993, 12; 50].

(14) Mattym patty rōmtu, ukkyr contōt **ūṅkyltym patty**: ijal'a **cūry=nty**.

Рубит дерево, вдруг слышит: ребенок плачет [ОчСЯ, 1993, 42; 87].

(15) Ira aj mattym patty rōmtu, **ūṅkyltym patty**: kana-ija **lāqymmy=nty**.

Старик опять рубит дерево, слышит: щенок визжит [ОчСЯ, 1993, 42; 86].

(16) **ūṅgalek**, sūrup **čāga=nd**, mannambad, mādur čāgand, keba kuenek čāgand, tōuan, čēnčan: “kuarne! kondalbak”.

Er **hört**, ein Vogel **kommt**, er sieht, der Held kommt, die kleine Schwager kommt [Castren, SV, 321].

Он **слушает**: птица **летит** (букв. идет), он смотрит (видит): мадур идет, младший зять идет.

Кроме базового значения косвенной зрительной засвидетельствованности и вторичных значений инференциальности, предположительности и миративности. форма **=(n)t(V)=** употреблялась также в переносном значении, указывающем на симулятивность, притворность действия, осуществляемого «на вид», с целью обмана.

(17) Контекст. Чтобы завладеть топором и освободиться из плена Ича обещает сделать деревянные ложки и создает видимость этой работы для наблюдающих за ним.

(iça) tap pot торь **qoræpt̃mm̃=nd̃=ty** [Прокофьев, 1935, 102]

(Ича) того дерева подножье **тешет** (на вид, для обмана).

(18) Контекст. Охотник рассказывает о своей охоте на диких уток с применением деревянных утиных чучел-приманок. Рассказ ведется от первого лица.

tot qanyqun poj šipajm̃ qarran na **omtyltol=ta=m** [Черемисина, Мартынова, 1991, 74].

К берегу озера на воду своих деревянных уток вот **рассадил** я (на вид, для обмана).

В литературе по селькупскому языку факт морфологического выражения в глагольной форме симулятивного значения еще не был отмечен. Насколько нам известно, не выделялись глагольные формы с симулятивным значением и в других самодийских языках. Но в контексте данной статьи важно не столько обнаружение симулятивного значения у формы **=(n)t(V)=** сколько то, что оно развилось из ее базового значения косвенной зрительной засвидетельствованности. Не исключено, что это диахронно-типологическая закономерность. Следовательно, и в других языках, имеющих глагольные формы с симулятивным значением, это значение может генетически восходить к семантике косвенной зрительной засвидетельствованности, утраченной в процессе языковой эволюции.

Проведенный анализ показал, что грамматикализация в системе селькупского глагола семантики косвенной зрительной засвидетельствованности была в диахронической ретроспективе детерминирована экстралингвистическими и внутриструктурными факторами, которые не уникальны для селькупского языка. Анало-

гичные факторы были и в диахронии других языков, исторически обслуживавших традиционные культуры с развитой сакральной сферой общения и выделявших в своих дейктических системах видимые объекты и ситуации, дифференцированные по степени отдаленности от наблюдателя. Облигаторность для граммемы косвенной зрительной засвидетельствованности инференциального семантического компонента обуславливает типологическую закономерность ее функционально-семантической эволюции в направлении модализации, прежде всего – эпистемической модальности. Поэтому глагольные формы, являющиеся в документированной синхронии таких языков носителями граммемы вероятностного предположения (пробабилитива) могли быть в диахронической ретроспективе носителями граммемы косвенной зрительной засвидетельствованности.

Условные сокращения текстовых источников

ОчСя – Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект (Учебное пособие). М., 1993.
SV – Castren M.A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung. SUS. Helsinki, 1940. T. LXXXIII.

Литература

- Ильина Л.А. Эволюция эвиденциальных высказываний в самодийских языках // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2010. Вып. 18. С. 79–119.
- Ильина Л.А. Самодийская глагольная граммема аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Новосибирск, 26 – 28 октября 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 99–106.
- Ильина Л.А. Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках. (В печати).
- Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. СПб., 1900.
- Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск, 2005.
- Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург, 2010.
- Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопр. языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. М., 1980.
- Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект: Учеб. пособие. М., 1993.
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М., 2011.
- Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика. Л., 1935.
- Терещенко Н.М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л., 1990.
- Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 600–632.
- Черемисина М.И., Мартынова Е.И. Селькупский глагол: Методические указания и лабораторные работы к курсу «Общее языкознание». Новосибирск, 1991.
- Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford: Oxford U. Press, 2004.
- Castren M.A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung. SUS. T. LXXXIII. Helsinki, 1940.
- Willett Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // Studiens in Language. 1988. Vol. 12. № 1.